

41. ВАСИЛИЙ СТАРОВОЙТОВ

13 июня 2004 года Василию Константиновичу Старовойтову, нашему выдающемуся современнику, моему старшему другу, ровеснику моих родителей, – 80 лет. Я воспринимаю это как личный праздник. Общаться с Василием Константиновичем мне легко и приятно уже четверть века потому, что он аполитично искренен. Пока среди нас, белорусов, есть такие, как Старовойтов, у нас есть будущее.

Старовойтов – хозяйственник, поэтому жизнь предоставила ему больше, чем политику, возможностей быть искренним в общении с людьми. В коммуникационной деятельности большинство политиков функционируют как лицедеи, мания величия лишает их непосредственности, участливости и неизбежно отгораживает от народа. Старовойтов же давал людям повод в большей степени ему верить, чем не верить.

В начале девяностых годов двадцатого века Старовойтов, преобразовав колхоз «Рассвет» в акционерное общество, начал ломать сталинскую властную вертикаль между государством и деревней. Вертикаль не поддавалась.

Председатель Верховного Совета Станислав Шушкевич и председатель Совета Министров Вячеслав Кебич разослали колхозам и совхозам Беларуси приказ «О чрезвычайных мерах по заготовке зерна». Закрытое акционерное общество «Рассвет» тоже получило официальную бумагу, предписывающую к конкретному числу сдать установленное количество кормов. В случае невыполнения директивы государство грозило снять с банковского счета ЗАО сумму денег, эквивалентную несданному зерну.

«Рассвет» содержал 8,5 тысяч голов крупного рогатого скота и 8 тысяч голов свиней. Для прокорма этой оравы на складах акционерного общества было запасено зерно. Точь-в-точь по научно обоснованному рациону. Отдашь Кебичу-Шушкевичу хотя бы тонну – отберешь корм у коров и свиней, снизишь надои и привесы, разбалансируешь экономику, обидишь крестьянина-акционера урезанным доходом. Не выполнишь приказ – потеряешь деньги, опять-таки ударишь по экономике хозяйства и карману крестьянина.

Прочитав «зерновую» директиву, Старовойтов вскипел, как скорый современный чайник. Он чертыхался, возмущался, матерился наедине с собой. Поостыв, позвал в кабинет советников, заместителей. Среди них были приличные люди, но имелись и гадкие (определение Старовойтова), которые вот-вот напишут на него доносы.

Приличные и гадкие помощники были авторитарно воспитанные советские люди, почитали вертикальную силу. Их совет свелся к предположению, что государство может снять Старовойтова за непослушание и посадить на место председателя акционерного общества «Рассвет» кого-нибудь «из области».

Услышав совет, Старовойтов опять вскипел и, не остывая, обрушил на советников свои доводы: никто не имеет права вмешиваться в дела акционерного общества; хозяева здесь мы, на нашей стороне закон; если вы

бойтесь, значит, не понимаете сути и цели нашей реформы – освободить крестьянина от выполнения неумных директив сверху, подчинить его экономике, заинтересовать рынком.

Вопрос «по зерну» Старовойтов вынес на собрание акционеров. Там приняли следующее решение: 1. Во исполнение приказа Шушкевича-Кебича передать в закрома государства требуемое количество зерна; 2. Чтобы коровы и свиньи, лишенные кормов, не подохли, сократить их поголовье наполовину. 3. Деньги зарабатывать на тепличных помидорах, которые доставлять в пункты реализации собственным транспортом.

Революционность решения заключалась в том, что крестьяне, ставшие акционерами, впервые подумали прежде всего о себе. Отвергли советский пафос, закрепощавший человека вечной думой о родине. Выполнив государственный приказ, нормальные люди продемонстрировали законопослушание и показали абсурдность командной экономики. Взяли на себя полную ответственность за свою дальнейшую судьбу.

Главную роль в рассветовском перевороте начала девяностых годов сыграл, естественно, Старовойтов. Он вместе с нанятыми юристами разработал устав ЗАО. Он убедил колеблющихся в экономической необходимости преобразования колхозной собственности в акционерную. Он вместе с единомышленниками начал реструктуризацию хозяйства и ввод его в рынок. Он беспощадно высмеял тех, кто опасался вмешательства государства в его проект и кто, как вскоре выяснится, был ... прав.

Обоснованно сократив поголовье скота, акционеры «Рассвета» посягнули на святая святых социалистического государства – на его исключительное право решать, что, сколько и как выращивать крестьянину на земле. Поскольку государство не безликий робот, а персонифицировано чиновниками, они по всей вертикальной цепочке от Кировска до Минска восприняли поступок Старовойтова как личное оскорбление, как посягательство на их полномочия.

Чиновники передавали друг другу злобную эстафету о том, что реформа Старовойтова зарезала коров и свиней и неизбежно задавит нищетой всех рассветовцев. С трибуны республиканского совещания аграриев (я там был и слышал) на всю страну рассеяли мерзкий слухок о том, что Старовойтов под ширмой ЗАО создал из колхоза кормушку для своей семьи.

Зафиксирую существенный исторический факт. Ненависть чиновничества к Старовойтову стала бурно накапливаться в начале девяностых, когда колхоз «Рассвет» преобразовался в ЗАО. Разгромив ЗАО «Рассвет» в 1997-м, Александр Лукашенко всего лишь принял государственную эстафету подавления свободы и со спортивной страстью донес ее до победного финиша.

На суде дважды Героя Социалистического труда семидесятитрехлетнего Василия Константиновича Старовойтова посадили в железную клетку. Беспощадная мера не была обусловлена ни сутью дела, ни технологией

процесса, ни особенностью подозреваемого. Цель ставилась одна – подавить личность человека, создавшего цивилизованный вариант жизнеустройства людей на территории девяти тысяч гектаров.

Старовойтов в клетке вошел в историю как свидетельство античеловеческой сути белорусского государства конца двадцатого века.

Бесчеловечность государства демонстрируют собственным поведением две его составляющие: правители и рабы. Первые сооружают клетки, вторые туда идут. Для правителей железная клетка – рабочий инструмент, для рабов – образ жизни. Старовойтову стоило невероятных усилий убедить рассветовцев выйти из колхозной клетки. Выйдя, они продолжали оглядываться и просить Старовойтова: может, вернемся, пока не поздно, пока не разозлилось на нас за непослушание начальство «из области»...

Змеи чутко улавливают грядущее землетрясение, собаки чувствуют настроение хозяина, рабы безошибочно знают свой статус в несправедливом обществе. Рабы наделены звериным чувством тактического предвидения, они со стопроцентной точностью угадали поражение Старовойтова. Чувствуя свою правоту, они не бросились на защиту смутьяна. Наоборот, радовались, когда государство вернуло их в клетку, восстановив в «Рассвете» колхоз.

Причина поражения Старовойтова – в его политический наивности. В отличие от рабов, он поверил, что очутился в правовом демократическом государстве. Общественное устройство он представляет аналогичным собственному устройству, в основе которого – высокая моральность, деловая сметка, забота о человеке и ... государстве.

Знайте же, перед нами государственный чистейшей золотой пробы. Старовойтов мне признавался, что ему стыдно перед государством не выполнить план, не вернуть кредит, даже если это экономически не выгодно хозяйству.

В нем никогда не прекращалась борьба долга и практицизма, идеального и реального. Поэтому он иногда казался противоречивым. Он ведь не застывшая истина, он, как всякий думающий и совестливый человек, непрерывно развивался. За долгие годы я заметил, что экономически Старовойтов развивается быстрее, чем идеологически.

Василий Константинович легко покупается на красивые слова и грандиозные обещания, его обманывали дельцы и коммунистическая партия. Ему тяжело освободиться от идеологических иллюзий, потому что они срачиваются с его совестью. Сейчас он говорит мне, что преобразовывал «Рассвет» из колхоза в ЗАО по решению 27 съезда КПСС, который состоялся в 1986 году и объявил курс на «ускоренное социально-экономическое развитие СССР».

В экономике он – трезвый прагматик, в политике – ослепленный идеалом юноша-романтик. Влюбленных идеалистов ищут, завлекают, используют в своих целях партии. Много лет Старовойтова и ему подобных охмуряла КПСС, сейчас этим занимаются то ли десять, то ли пятнадцать оппозиционных партий, в одну из них мой друг взял и вступил. Старовойтов не может не быть партийным. Он с жаром доказывал мне, что лидер его партии точно знает, как спасти Беларусь.

Его идеализм вытекает из нетерпеливого характера и подстегивает в нем деятельного экономиста. Как экономист Старовойтов опережает время, отрывается от несозревшей человеческой массы. Таковым, оторванным, Старовойтов был не только в недолговечном акционерном обществе, но и в долговременном колхозе. И потому старовойтовский колхоз остался в истории как уникальное явление двадцатого века. Не будь того колхоза, не родилось бы ЗАО.

В книге «Рассвет» (1986) я назвал колхоз «Рассвет» деревозданием. Конструируя необычный образ-термин, я подчеркивал саморазвитие того колхоза. Хозяйство росло вверх, вширь и вглубь, наращивало объем и дух за счет собственной генной инженерии. Как дерево. Опыт колхоза «Рассвет» грешно и расточительно отбрасывать заодно с неудавшимся колхозным экспериментом на одной шестой части земной суши (СССР), он может пригодиться современным крупным сельскохозяйственным предприятиям рыночного типа.

Начальный импульс росту «Рассвет» дал первый председатель колхоза Кирилл Прокофьевич Орловский. В 1944 году он взял у государства кредит, купил элитных (импортных) коров и хороший семенной лук. Вырастив много лука, Орловский подпольно продал его на базаре Бобруйска, получил приличную прибыль наличкой, выдал колхозникам зарплату, вернул государству долг, остатки выручки потратил на закупку элитных семян зерновых.

Так начался безостановочный, самостоятельный, независимый рост «Рассвета». Никогда более за двадцать четыре года председательства Орловский не брал государственный кредит. Встав в 1968 году у руля вместо умершего Орловского, Старовойтов повел хозяйство тем же курсом. Заботясь о самостоятельности колхоза, Старовойтов принципиально не пользовался кредитом государства вплоть до девяностых годов, когда развалился СССР и начался всеобщий хаос, пошатнувший даже деревоздание «Рассвет». Его экономическая мощь видна из цифр: имея двенадцать процентов пашни Кировского района, колхоз «Рассвет» давал району двадцать пять процентов молока и тридцать процентов мяса.

Мощь колхоза достигнута в результате саморазвития, организованного и направляемого Орловским и Старовойтовым. Советские чиновники запустили об успехах «Рассвете» ложную версию, которую донесли до сегодняшнего дня чиновники президентские. Их ложь примитивна: «Рассвет» вырос благодаря огромной помощи государства, которое, дескать, давало ему больше, чем другим колхозам, обделяя их, обрекая на жалкое существование.

Чиновники, произвольно распределяющие государственные ресурсы, ревновали к достижениям «Рассвета», примазывались к ним, как трутни к произведенному пчелами меду. Безусловно, государство давало «Рассвету» дешевые удобрения и тракторы, одновременно забирая за бесценок зерно, молоко, мясо и разрушая экономические отношения. При этом чиновники, безраздельно владеющие общенародными ресурсами, выделяли их «Рассвету»

как раз меньше, чем другим колхозам. Почему? Чтобы поставить на место «выскочек» – Орловского и Старовойтова.

Служебная переписка Орловского свидетельствует, как он негодовал от несправедливого распределения, когда ресурсов ему доставалось непропорционально мало, недостаточно для поддержания высокоэффективного производства «Рассвета». Чиновники мстили ему за резкий характер, прямоту, независимость, геройские звезды, известность. За то же мстили Старовойтову.

В 1982 году я спросил Старовойтова о том, достаточно ли он самостоятелен как руководитель и хозяйственник. Он ответил с гримасой боли на лице: «В дела колхоза вмешиваются все, кому не лень! Все руководят. Все дают указания. Все знают сельское хозяйство! У каждого свое мнение: делай то, не делай этого. Поэтому в дела хозяйства не впускаю никого!»

Чтобы не впускать в «Рассвет» несчетных «знатоков» сельского хозяйства и отгородиться от командно-распределительного механизма, воли Старовойтова было недостаточно. Он построил собственную защитную систему в виде так называемых подсобных производств: железобетонный, асфальтный и кирпичный заводы, кожевенный, мебельный, пошивочный, колбасный и консервный цеха, санаторий, дом рыбака, банно-прачечный комбинат... Колхоз производил минеральную воду, травяной чай, пиво, выпекал подовый хлеб, разливал в пакеты молоко, строил коттеджи, асфальтировал дороги, лечил больных, одевал колхозников в рабочую и праздничную одежду, охранял собственными силовиками...

Если бы не горбачевская перестройка, обнажившая неизлечимые язвы «развитого социализма», экономический умелец-левша Старовойтов построил бы на площади девять тысяч гектаров суверенное государство «Рассвет», ввел бы там денежную единицу – и таким образом довел бы развитие колхозного строя до полнейшего абсурда. Настойчивости, умения у него хватило бы. На новые изобретения его вдохновляла коммунистическая партия, нацеливавшая на неуклонный рост благосостояния трудящихся. Поскольку рассветовцы с каждым годом жили лучше и лучше, курс, взятый их местным вождем, был верный в конкретных исторических обстоятельствах, а также соответствовал максималистскому характеру вождя.

Спасибо Христу и Горбачеву! Христос наделил Старовойтова гибким умом, горячим сердцем, а Горбачев на всю советскую империю сказал то, что давно созрело и томилось в душе белорусского дважды героя. В 1993 году Старовойтов, увлеченный поворотом отечества в сторону цивилизованного мира, дал беспощадную оценку себе и колхозному курсу «Рассвета». Напомню его изречение, которое обязательно войдет в учебники по истории Беларуси: «Нет в колхозе такой силы, которая бы заставила человека хорошо работать».

Пора подробнее рассказать, при каких обстоятельствах прозвучал смертный приговор колхозу, вынесенный одним из самых компетентных специалистов колхозного движения к коммунизму. Справедливость,

моральность, окончательность приговору придает тот факт, что его выстрадал личной практикой, обосновал, озвучил Василий Старовойтов.

Ранней осенью 1993 года я приехал в «Рассвет» вместе с председателем белорусского союза фермеров Константином Ермоленко. «ЗАО «Рассвет» – извещали таблички при въезде в хозяйство, на двери Старовойтова, на лобовом стекле грузовиков для междугородних перевозок. Колхоз ушел в прошлое. В отместку родилась и набирала силу сплетня о Старовойтове как прихвизаторе и воре. Чтобы поддержать его морально, мы и приехали. Беседу Старовойтова и Ермоленко о методах реформирования села я планировал опубликовать в новорожденной фермерской газете «Новая земля», которую редактировал.

Беседа состоялась. Старовойтов оставил на моем диктофоне знаменитую фразу. Из магнитной ленты я перенес беседу на бумагу и показал одному из собеседников – Константину Ермоленко. Молодой функционер фермерского движения прочитал и неожиданно, вопреки договоренности, потребовал себя из беседы изъять. Водку с опальным Старовойтовым пил, а поддержать его публично не посмел. В демагогии о реформе поднаторел, а до гражданского поступка не созрел.

Беседу я трансформировал в жанр интервью Старовойтова мне, журналисту, и напечатал в газете «Новая земля». В заголовок вынес ключевую фразу. С тех пор ее повторили в средствах массовой информации и на совещаниях тысячи раз – одни с ненавистью, другие с восхищением.

В том же интервью Старовойтов произнес еще один приговор. Себе лично. Он назвал себя как председателя бывшего колхоза «Рассвет» держимордой. Помню, с каким гадливым выражением он выговорил бранное слово.

Держиморда в его понимании – начальник, который бежит от одного работника к другому и кричит: сделай это, подними то, копай тут, неси туда... Держиморда подменяет собой экономический интерес, который бы сам заставил работника сделать это, поднять то, раскопать там, отнести туда и еще дальше... И все сделать быстрее, качественнее, эффективнее. О чем Старовойтов мечтал всю свою председательскую жизнь. И что, наконец, воплотил в ЗАО «Рассвет».

В 1997 году, накануне ареста, я был у него в Мышковичах. Старовойтов с грустью рассказывал мне, что государство вмешивается в ЗАО, диктует цены на молоко и мясо, не позволяет свободно распоряжаться продукцией, не дает возможности строить рыночную экономику. Оттого заработки у акционеров упали, настроение плохое. «Но (тут Старовойтов повеселел) недавно меня переизбрали председателем на очередные четыре года, за меня проголосовало восемьдесят восемь процентов капитала. Значит, люди верят в ЗАО!»

Если бы у Старовойтова не отобрали эти годы, доверенные ему людьми, сегодня закрытое акционерное общество «Рассвет» было бы процветающим хозяйством. Трагично, сегодня «Рассвет» – СПК. Колхоз, демонстративно восстановленный в 1997 году на руинах уничтоженного ЗАО, просуществовал в государственных подпорках пять лет, накопил неподъемных долгов, потом

тихонько, втайне от широкой общественности, превращен в СПК – сельскохозяйственный производственный кооператив (или коллектив?).

Что такое СПК (или СКП?), толком не объяснит в Беларуси никто. Это попытался сделать президент. 19 мая 2004 года в поездке по Могилевской области Александр Лукашенко в очередной раз заглянул в СПК «Рассвет» и сообщил рассветовцам, собравшимся на колхозной площади, что их хозяйство отныне будет «шестидесятником». «Рассвет» включен в число 60 лучших колхозов страны, куда государство намерено вкладывать средства, надеясь получить эффективную отдачу. Это означает не что иное, как закабаление сельскохозяйственного труда. Деревоздание «Рассвет» как творение Орловского и Старовойтова прекратило свое существование.

Старовойтов Василий Константинович родился 13 июня 1924 года в деревне Борок Бельничского района Могилевской области. Его трудовая деятельность прошла в пределах могилевщины, в деревне, на самой низкой руководящей высоте, на одном уровне с народом: 11 лет он работал директором совхоза «Родненский» в Климовичском районе, почти 30 лет руководил «Рассветом». На многочисленные предложения занять высокие властные посты отвечал отказом.

Мотивированно, адекватно, конкретно противодействуя внешней власти, Старовойтов не жаждал власти собственной. Эти две важнейшие черты его характера психологически взаимообусловлены. Перед нами – сильная активная самодостаточная целостная личность, свободная от авторитарности, следовательно, подлинно народная. Ему не требовалось периодически «ходить в народ», ибо он из народа никогда не уходил.

Что за 80 лет сконцентрировалось в нем истинно белорусского, народного? Первое – речь-тросянка. Второе – тоска о нормальной жизни. Тросянку он не замечает ни в себе, ни в окружающих его белорусах, приемлет ее как ... дыхание. С тоской всю сознательную жизнь боролся делом. Отстраняя от дел, морально ломая таких народников, как Старовойтов, государство ломает белорусскую надежду.

2004